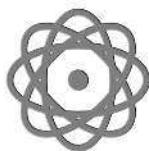

АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

ВЛАСТЕЛИН МИРА

ИЗОБРЕТЕНИЯ
ПРОФЕССОРА ВАГНЕРА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Б44

Серия «Звёзды советской фантастики»
Серийное оформление и дизайн обложки Юлии Межовой

Беляев, Александр Романович
Б44 Продавец воздуха. Властелин мира. Изобретения профессора Вагнера / Александр Беляев.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 636, [1] с.—(Звёзды советской фантастики).

ISBN 978-5-17-100510-8

В романах Александра Беляева описаны совершенно невероятные для его эпохи явления: атмосфера настолько загрязнена, что чистый воздух превращается в товар; кризис банковской системы приводит к финансовой диктатуре; людей подвергают облучению, вызывая массовую эйфорию или панику; для уничтожения излучателей используют беспилотные самолеты...

Фантастика прошлого века, ставшая реальностью нашего.

Подписано в печать 18.10.2016.
Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 40,0.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1: 953000 — книги, брошюры

©Александр Беляев, наследники, текст, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«РУССКИЙ ЖЮЛЬ ВЕРН»

Именно так называли Александра Беляева. Создатель «Человека-амфибии» и «Головы профессора Доуэля», подобно знаменитому французу, чье творчество оказало на него огромное влияние, в своих произведениях предсказал множество изобретений и событий, что впоследствии произошли. По подсчетам его младшего современника, изобретателя и писателя-фантаста Генриха Альтова, из пятидесяти предвидений Александра Беляева ошибочными оказались только три, остальные потенциально осуществимы, а в жизнь воплотилось восемнадцать.

В своем самом первом произведении — рассказе «Голова профессора Доуэля» (который в 1925 году стал повестью и только в 1937-м — романом), Александр Беляев предсказал пересадку органов.

Во «Властелине мира», вышедшем в 1926 году, присутствуют аппарат, способный внушать постороннему человеку мысль на расстоянии, — фактически психотропное оружие, а также беспилотники, удачные прототипы которых британцы разработали уже в 1930-е годы.

В 1928 году вышел роман «Человек-амфибия», в котором главный герой может дышать в воде. В 1943 году знаменитый путешественник Жак-Ив Кусто вместе с инженером Эмилем Ганьяном изобрели акваланг.

В «Острове Погибших Кораблей», вышедшем в том же году, указывается Бермудский треугольник как место, где наиболее часто происходят кораблекрушения. Именно Александр Беляев впервые публично объявил его аномальным, назвав «морем дьявола».

ПРЕДИСЛОВИЕ

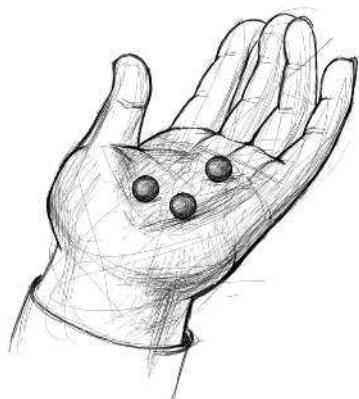
В 1929 году появился «Продавец воздуха», в котором писатель предупреждает об экологической катастрофе: окружающая среда окажется столицей загрязненной промышленными выбросами, что чистый воздух превратится в товар, доступный далеко не всем. Во многих современных городах и промышленных районах загрязненная атмосфера — уже не вероятное будущее, а настояще.

В том же году вышел роман «Человек, потерявший лицо», в котором анализируются успехи пластической хирургии и неизменно следующие за ними этические проблемы.

Под влиянием переписки с Константином Циолковским в 1936 году Александр Беляев написал роман «Звезда КЭЦ» (КЭЦ — сокращенно *Константин Эдуардович Циолковский*). Все идеи знаменитого ученого, описанные в романе, начали свершаться уже через двадцать лет: 4 октября 1957 года запустили первый искусственный спутник Земли, 19 августа 1960 года впервые на орбите успешно побывали живые существа — собаки Белка и Стрелка, 12 апреля 1961 года в космос полетел Юрий Гагарин, 18 марта 1965 года вышел в открытый космос Алексей Леонов, 21 июля 1969 года на поверхность Луны ступил Нил Армстронг, 19 апреля 1971 года запустили первую орбитальную станцию «Салют-1».

И последнее предсказание Александра Беляева — о собственной смерти. В 1940 году вышел роман «Ариэль», главный герой которого умел летать. Когда началась Великая Отечественная война, писатель отказался эвакуироваться и, оказавшись в оккупации, 6 января 1942 года умер от голода. Его жену и дочь немцы угнали в плен, и до освобождения они находились в Польше и Австрии в лагерях для перемещенных лиц. После окончания войны их отправили в ссылку в Западную Сибирь. Вернувшись через одиннадцать лет домой, они нашли очки писателя с прикрепленной к ним запиской, адресованной жене: «Не ищи моих следов на этой земле. Я жду тебя на небесах. Твой Ариэль».

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

I

ОКАЯННЫЙ КРАЙ

«Окаянный край!» — так писатель В. Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищенных от ветра, — хилые кедры, тополь да коряевые березки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая береза, стелющаяся по земле ольха, вереск; еще дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно льющие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба. И если бы их воля, они вытащили бы из мерзлой земли свои коряевые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; все, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он сам выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и идет, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы побе-

ОКАЯННЫЙ КРАЙ

дить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой березой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большую частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озерами. Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нем мутная, пить ее нельзя, и жители принуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственные учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Ришара, микробарографы, анемометры и барометры¹ — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно примитивный флюгер, доставляющий немалое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятная игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны² начали

¹ *Барограф* — самопищий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. *Анемометр (ветрометр)* — прибор для измерения скорости и направления ветра.

² *Пассаты и муссоны* — ветры постоянного направления.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

изменять свое обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты¹ обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, еще малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториальные теплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами, наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (летчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, еще ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но ученые, бодрствовавшие за своими инструментами, были обеспокоены и, еще не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер

¹ Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определенное время.

дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие руки, маленькие кривые ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, многое есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без нее Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не променял бы свои мхи и корявые березы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всем, что видит. А его черные глаза с немного склоненными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов: слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хорошо лето,— говорил он, сплевывая желтую от табака слону.— Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно теплое лето. Даже ночью (при незахающем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днем поднималась до 30° С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой березой. Несмотря на очень теплую погоду, нам от времени до времени случалось переходить на леди, или «тарыны», — цепкие островки еще не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густою сетью, похожею на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на севере, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

— Крисит.

— Кто кричит?

— Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетало до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. —

Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдем на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хоцес. Пойдем. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеешь. Стрелить не умеешь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспевал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услыхал заглушенный крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелит. Надо снасяла стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидали заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от берега я увидел человеческую фигуру, наполовину засосанную тиной.

Человек также, по-видимому, увидел нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой

он держал какой-то предмет, который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку.

Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напрягал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался. Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда удалось нам извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нем был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выходя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услыхали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, еще раньше услыхал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я чшлен экспедиции изучений Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли послушать вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь рту-

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

тью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжелым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасенный от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола свое мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг услышал я голос неизвестного. Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою.

— Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Неходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус», куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

II

«МЕРТВЫЙ КАЮК»

Как только мы остановились, туча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

«МЕРТВЫЙ КАЮК»

— Однако, сильно мало комаров,— сказал Никола.— Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больсе. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо,— ответил Никола, разжигая костер и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако, плохо. Сильно плохо.

Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Что плохо, Никола? — спросил я его.

— Этот человек... Сильно нехорошо. Пусть бы он тонул. Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола,— нетерпеливо сказал я.— В чем дело?

И Никола рассказал мне на своем бедном словами, но богатом образами и меткими выражениями языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом и братом рыбачили в Селлахской губе¹. Был конец лета. Ветер дул еще с берега, но ледяные глыбы, все в большем количестве появлявшиеся в Северном Полярном море, говорили о близком наступлении зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но лов был хороший, и отец Николы, старый опытный рыбак, не

¹ Селлахская губа — залив Северного Полярного моря восточнее устья Яны (Якутия). Название губа получила от речки Седлах, одной из многих тундровых речек, впадающих в губу. На реке Седлах и в заливе богатые рыбные промыслы.

ПРОДАВЕЦ ВОЗДУХА

торопился. Он уверял, что вместе с морозами подует северный ветер, который быстро принесет их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без боя. Южный ветер все усиливался и перешел в шторм. Рыбаков относило к острову Макара. Небольшой парус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу. Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки не теряли присутствия духа. Льдины им давали пресную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось страдать только от холода, но недаром они выросли в самом холодном месте земного шара. Их организм стойко сопротивлялся. Полузамерзшие, оледенелые, они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось несчастье: их каюк попал между ледяными глыбами, которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А голод начал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменой ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидали «сильно большой каюк», который шел прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками

